

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-126-136

Особенности общественного восприятия угроз экстремизма и терроризма (на примере Республики Башкортостан)*

С.В. Егорышев

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
ул. Кирова, 15, Уфа, 450008, Россия
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru)

Аннотация. Статья подготовлена на материалах социологического исследования, проведенного в Республике Башкортостан в августе-октябре 2021 года. Изучалось общественное мнение о влиянии идеологии экстремизма на ситуацию в регионе и деятельности органов власти по противодействию терроризму. Методом формализованного интервью было опрошено 1030 человек, репрезентирующих все 63 муниципальных образования региона и его социально-демографическую структуру. Актуальность исследования обусловлена потенциалом деструктивного влияния угроз экстремизма и терроризма на состояние общественного сознания — от тревоги и страха до апатии и агрессии, которое отражается на общественно-политической ситуации, восприятии власти и векторе развития государства. В качестве средств влияния на власть и социум, экстремизм и терроризм в последние десятилетия привлекают все больше участников и сторонников, глобализируют цели, видоизменяют стратегии, приспосабливаются к мерам государственно-правового и социального противодействия. Подобная количественная и качественная подвижность экстремизма и терроризма объясняет необходимость как их более активного изучения, так и жесткой, непримиримой, опережающей реакции на них не только государственных структур, но и всего общества, для чего следует различными средствами, включая социологические, наблюдать за динамикой этих явлений, измерять их разрушительный потенциал и эффективность мер противодействия и профилактики им на всех уровнях организации общества, включая региональный и местный. В статье на основе статистического материала за 2018–2020 годы охарактеризовано состояние и тенденции угроз экстремизма и терроризма в Российской Федерации и Республике Башкортостан, а на основе социологических данных 2021 года раскрыты особенности восприятия жителями региона угроз экстремизма и терроризма. Также представлена оценка межнациональных и межконфессиональных отношений, поскольку накопившиеся здесь проблемы и противоречия нередко становятся причинами и благоприятной средой для экстремистской идеологии и террористической практики. Приводятся оценки респондентами уровня своей защищенности и их отношение к мерам противодействия угрозам экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: регион; общественное сознание; региональный социум; экстремизм; терроризм; причины угроз; политика противодействия угрозам; эффективность противодействия угрозам

---

* © Егорышев С.В., 2022

Статья поступила 14.10.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

Глобальные изменения, происходящие в мире, начиная со второй половины XX — начала XXI века, отразились на всех сторонах общественной жизни во всех странах. Изменения коснулись и угроз, с которыми столкнулось человечество, и серьезную опасность своими разрушительными социальными последствиями представляют проявления экстремизма и терроризма. Причем если раньше эти проявления хотя и имели богатую историю [4; 15], но все же носили локальный характер, замыкаясь в рамках отдельных стран и регионов (Афганистан, Ближний Восток и др.), то в последние десятилетия экстремизм и терроризм стали в политическом, в социальном и географическом плане весьма распространенными, проявляясь и в России, и в странах СНГ.

Природа явлений экстремизма и терроризма достаточно сложна, разнообразны их проявления и взаимосвязи. Несмотря на кажущуюся очевидность понятий «экстремизм» и «терроризм», дискуссии об их содержании не прекращаются, что во многом обусловлено изменениями в отражаемых этими понятиями явлениях [2; 3; 26]. Еще в XVII веке в своих знаменитых «Правилах для руководства ума» Р. Декарт писал: «если бы среди философов установилось согласие относительно значения слов, то почти все их споры были бы прекращены» [5]. Поэтому тезисно обратимся к содержанию рассматриваемых понятий, взяв за основу их юридическую трактовку.

В уголовном праве экстремизм и терроризм оцениваются как одни из самых опасных форм преступного посягательства на общественную безопасность [20]. Кроме того, продолжает дополняться федеральное законодательство в отношении этих угроз. В Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» названы 13 признаков экстремизма, объединив которые можно сказать, что экстремизм означает приверженность в политике и идеях крайним взглядам и действиям и как источник терроризма опирается на психологическое насилие над личностью и социальными группами. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» характеризует терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий. Это практика преимущественно основана на идеологически мотивированном насилии, широкая огласка применения которого оказывает деструктивное влияние на общественное сознание.

Если экстремизм по своим проявлениям более латентен, то терроризм, напротив, предполагает широкую огласку, прежде всего, через средства массовой информации. В Древнем Китае говорили: «Убить одного, чтобы запугать сотни». Экстремизм и терроризм в своей взаимосвязи выступают и как идеология, и как политика, и как конкретные противоправные и социально опасные действия. Как сложные многоплановые явления и проявления деструктивной идеологии экстремизм и терроризм имеют общие и

особенные признаки, классифицируются по целому ряду оснований, которые являются предметом междисциплинарного изучения и отражены в научной и научно-публицистической литературе и периодике [1; 8; 17; 18]: исследуются исторические предпосылки и причины экстремизма и терроризма, причины, формы, особенности и тенденции их проявления в разных странах и их регионах.

Отражаются проявления экстремизма и терроризма и в криминальной статистике. Так, в Российской Федерации с 2010 по 2018 годы было зарегистрировано 9169 преступлений экстремистской и 10944 террористической направленности [16; 21], т.е. ежегодно выявлялось в среднем 1018 преступлений экстремистского и 1216 террористического характера. С 2017 года в стране наметилась тенденция сокращения числа таких преступлений [22; 23]: в 2019–2020 годы в России было выявлено, соответственно, 585 и 833 преступлений экстремистской и 1806 и 2342 террористической направленности, т.е. в среднем ежегодно регистрировалось 292 и 416 таких преступлений [24; 25].

В Республике Башкортостан в 2010–2018 годы зарегистрировано 171 экстремистское и 139 террористических преступлений, т.е. ежегодно в среднем, соответственно, 85 и 69 рассматриваемых криминальных деяний [9]. В 2020 году в регионе выявлено 7 преступлений экстремисткой и 11 террористической направленности [10] — статистика фиксирует тенденцию снижения данных видов преступности. Вместе с тем на уровне Российской Федерации и Республики Башкортостан в рассматриваемый временной период эта тенденция носит волнообразный характер, угрозы не снижаются в силу природы этих преступлений, содержащих большой разрушительный потенциал и имеющих тяжелые последствия. От одного террористического акта может погибнуть гораздо больше людей, чем от ряда таких насильственных тяжких преступлений, как убийство. Деструктивное влияние террористических актов на общественное сознание весьма велико — они вызывают чувства тревоги, страха, паники и недоверия властным и правоохранительным структурам.

Из приведенных выше данных очевидно, что преступления террористической направленности количественно преобладают над экстремистскими, хотя экстремизм считается источником терроризма. Данное обстоятельство можно объяснить следующими причинами: во-первых, экстремизм имеет более латентный характер, его проявления не вызывают столь сильный общественный резонанс, как террористические атаки; во-вторых, экстремистские преступления, в отличие от террористических, лучше адаптируются к имеющимся и новым социальным и правовым барьерам; в-третьих, экстремистская деятельность и, следовательно, подготовка преступлений экстремистского характера имеет более пролонгированный характер, что позволяет правоохранительным органам успешнее противостоять им превентивными и оперативно-розыскными мерами (фактор неожиданности существенно выше у террористических преступлений).

Проиллюстрируем сказанное статистическими данными. Так, в России в 2018 году было раскрыто 1189 преступлений экстремистского характера, т.е. 94%, а процент раскрываемости террористических преступлений составил 45%. В 2019 году в стране было раскрыто 454 экстремистских преступления, или 78%, а раскрываемость зарегистрированных преступлений террористического характера составила 47% (844). В 2020 году было раскрыто, соответственно, 677 и 910, или 81% и 39%, преступлений экстремистской и террористической направленности [23; 24; 25].

Представив тезисно статистическую картину, обратимся к результатам проведенного социологического исследования. Характер ответов респондентов свидетельствует о том, что как крайне социально опасные угрозы экстремизма и терроризма вызывают сильное беспокойство у жителей Республики Башкортостан — как на уровне страны, так и на уровне региона. Угроза экстремизма на уровне страны волнует 76% опрошенных (сумма показателей «вызывает сильное беспокойство» и «беспокоит, но не сильно»), причем показатель «сильное беспокойство» заметно выше — 44%. На уровне региона показатели беспокойства практически такие же (соответственно, 74% и 41%), но уровень тревожности не коррелирует с ответами респондентов о вероятности террористических атак в местах их проживания (город/село) — на высокую их вероятность указали только 1,6% опрошенных, оценили ее как незначительную 26%, считают, что такая вероятность отсутствует 35%, а 38% затруднились с ответом.

Таким образом, можно утверждать, что обеспокоенность угрозами экстремизма и терроризма у жителей республики имеет некий гипотетический характер, так как образ этих угроз носит преимущественно информационно-собираТЕЛЬНЫЙ характер, сформированный преимущественно федеральными СМИ. Реальные проявления экстремизма и терроризма, отраженные в приведенной выше статистике, не вызывают заметного медийного резонанса и, следовательно, не формируют в общественном сознании чувства тревоги, так как не муссируются региональными СМИ, а население, к счастью, в большинстве своем не сталкивается с их разрушительными последствиями. Однако сама возможность возникновения и проявления этих угроз общественным сознанием, пусть и гипотетически, но признается.

Для перехода возможного в действительное нужны благоприятные условия — обратимся к оценкам респондентами причин, способных повлиять на этот переход (Табл. 1). Сравнивая оценки причин возможных проявлений экстремизма и терроризма в регионе, можно констатировать преобладание варианта «вероятность незначительная» в общественном мнении. Обращает на себя внимание, что практически каждый пятый опрошенный более вероятными считает социально-экономические причины (23%), а более трети респондентов затруднились высказать свое мнение, видимо, не осознавая этих причин или не обращая на них внимание.

Башкортостан — многонациональный и поликонфессиональный регион, сложившиеся здесь за столетия толерантность и содружество не позволяют

религиозным и национальным причинам стать благоприятной средой для экстремизма и терроризма. Вместе с тем, если не обращать внимания на этнический и религиозный факторы, которые используются внутренними и внешними эмиссарами экстремизма и терроризма, то можно «пожать бурю». Так, 2020 год показал рост экстремистских (+42%) и террористических (+27%) преступлений в Приволжском федеральном округе, все субъекты которого, включая Башкортостан, характеризуются поликонфессиональным и многонациональным составом населения [3; 28].

Таблица 1

Оценка вероятности проявлений в регионе экстремизма и терроризма по следующим причинам (в %, 2021)

Группы причин	Степень вероятности			
	Большая	Незначительная	Отсутствует	3/0
Социально-политические	16,2	29,2	16,8	37,8
Социально-экономические	22,5	29,1	15,7	32,7
Социально-психологические	13,5	32	17,5	37
Национальные	15,4	32,3	19,6	32,7
Религиозные	14,3	26,5	21,5	37,7

Если иметь в виду не только группы причин, повышающих вероятность экстремистских и террористических угроз, но и входящие в эти группы конкретные причины, то опрошенные жители республики назвали следующие: экономические трудности, отражающиеся на уровне жизни населения (36%); недостаточно эффективное противодействие организованной преступности, коррупции, незаконному обороту оружия (33%); деятельность на территории страны иностранных организаций, распространяющих националистические и сепаратистские настроения (31%); неконтролируемая миграция (29%). Как правило, население связывает угрозы экстремизма и терроризма с мигрантами, а недостатки противодействия этим угрозам — с коррупцией [6; 7].

По мнению опрошенных, межнациональные и межконфессиональные противоречия в регионе не столь остры, чтобы стать причиной распространения экстремистской и террористической идеологии (Табл. 2).

Экономическая ситуация в регионе оценивается респондентами достаточно критически: 19% считают ее очень и скорее хорошей, 40% — «и не хорошей, и не плохой», а 23% — «очень и скорее плохой». Данное обстоятельство обуславливает необходимость обратить внимание на нерешенные экономические проблемы, которые в случае сохранения и обострения могут стать предметом спекуляций со стороны адептов экстремизма и терроризма. По мнению респондентов, попытки этих адептов влиять на общественное сознание с целью распространения идеологии экстремизма и терроризма осуществляются через следующие источники: интернет-сайты

(75%), социальные сети (67%), духовные наставники (25%), зарубежные СМИ (15%), аудио-видео продукция (11%) и раздаточные печатные материалы (6%) — эти источники находятся в поле внимания не только правоохранительных структур, но и исследователей [17].

Таблица 2

Оценка межнациональных и межконфессиональных отношений (в %, 2020)

Характер отношений	Тип отношений	
	Межнациональные	Межконфессиональные
Отношения спокойные, бесконфликтные	43,6	47
Отношения в целом спокойные, но противоречия все же проявляются	41	31,3
Отношения сложные, напряженные, часто случаются конфликты	1	0,9
Затрудняюсь ответить	14,4	20,8

Общеизвестно, что основным адресатом деструктивной идеологии является молодежь, которая в силу несформированности и неустойчивости ценностных ориентаций и отсутствия социального опыта часто склонна к идеализации тех социальных образцов, что используется идеологами экстремизма и терроризма, чтобы, как писал А. Камю, «уничтожить тех, кто уничтожает идиллию, или уничтожать ради сотворения идиллии» [11. С. 273]. Поэтому интерес представляют суждения респондентов о причинах, побуждающих молодых людей интересоваться взглядами экстремистов и террористов и даже вступать в их ряды: это навязанные ложные ценности (38%), низкий заработок (30%), отсутствие возможностей самореализации иными способами (26%), желание показать свою значимость, привлечь к себе внимание (25%). Эти суждения дают основания для размышлений и последующих практических действий, направленных на повышение уровня молодежной занятости, социально полезную самоорганизацию молодежи, развитие молодежных социальных лифтов и формирование морально-правовых установок. Комплекс этих и других мер обрел не только научное обоснование, но и официальное, включая нормативно-правовое обеспечение [19] (например, это Указ Президента от 28 декабря 2018 года «Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы»).

Противостоять и предупреждать угрозы экстремизма и терроризма в силу их особенностей весьма сложно, но противодействие и профилактика достаточно эффективны, о чем, в частности, свидетельствуют сокращение числа преступлений и высокий процент их раскрываемости, в чем большая заслуга правоохранительных органов, но не только их. В стране создана общегосударственная система противодействию терроризму и экстремизму [14], например, сформирована и постоянно дополняется нормативно-правовая база

этого противодействия, уже включающая 88 федеральных законов, 30 указов президента, 206 постановлений и распоряжений правительства; в Единый федеральный список включены 33 организации, признанные террористическими, выявлено и нейтрализовано 270 религиозных экстремистских структур [19].

Жители Республики Башкортостан на уровне своего региона в целом положительно (по сумме показателей «положительно» и «скорее положительно») оценивают деятельность органов государственной власти по противодействию экстремизму и терроризму (74%), отрицательную оценку (по сумме показателей «отрицательно» и «скорее отрицательно») дали только 6%, каждый пятый (20%) затруднился с ответом, видимо, не владея информацией и/или не интересуясь этими вопросами.

Наглядным показателем эффективности антитеррористической и антиэкстремистской практики можно считать чувство защищенности от террористических и экстремистских угроз и их проявлений. Вполне естественно, что это чувство формируется не только в результате работы правоохранительных и других государственных структур, но и под влиянием других факторов, включая экономическую, социально-политическую, психологическую ситуацию, виктимность населения и даже стихийность (когда беда может прийти откуда не ждали). В ходе опроса респондентам было предложено выразить меру уверенности в своей защищенности от возможных террористических атак. Ответы показали, что более защищенными люди чувствуют себя (первая цифра — сумма показателей «полностью уверен» и «скорее уверен», вторая — сумма показателей «скорее не уверен» и «полностью не уверен») в следующих местах: дома, в квартире (80% и 10%), в государственных (61% и 31%), медицинских (53% и 40%) и образовательных учреждениях (52% и 36%). Респонденты менее уверены в своей безопасности, когда находятся в торгово-развлекательных центрах (29% и 64%), в местах массовых гуляний и празднеств (29% и 64%), на вокзалах, в аэропортах и автостанциях (34% и 5%), в общественном транспорте (38% и 53%). На улице относительно защищенными себя ощущают 48%, не защищенными — 45%.

В заключение следует отметить, что, как показало проведенное исследование, общественное сознание жителей Республики Башкортостан в целом адекватно реагирует на потенциальные угрозы экстремизма и терроризма, хотя люди осознают их опасность и вероятность, связывая ее с конкретными причинами, прежде всего социально-экономического характера, но информированы об этих явлениях опрошенные недостаточно. В регионе, как и в стране в целом, действует система мер, направленных на противодействие этим угрозам, и в оценках респондентов эта система выглядит достаточно действенной. Важным элементом этой системы является социологический мониторинг остроты восприятия общественным сознанием угроз экстремизма и терроризма, деструктивного влияния их идеологии на общественно-политическую ситуацию и эффективности противодействия им [13. С. 22–27]. Результаты мониторинга дополняют представления о сформированности и

динамике причин угроз терроризма и экстремизма, позволяют определить уровень тревожности в обществе и меру непринятия идеологических клише, используемых адептами экстремизма и терроризма.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках исследования, проведенного по заказу Межвежведственного Совета общественной безопасности Республики Башкортостан в августе-октябре 2021 года.

Библиографический список

1. *Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Нугуманов М.М., Сизоненко З.Л.* Профилактика экстремизма в полиэтничном и многоконфессиональном регионе: тенденции, риски и психолого-педагогические детерминанты. Уфа, 2020.
2. *Антонян Ю.М., Ростокинский А.В., Гилинский Я.И.* Экстремизм и его причины / Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2013.
3. *Вояковский Д.С., Юнусова А.Б.* Интервенция радикальных идеологий в российское исламское пространство. Уфа, 2011.
4. *Гребенкин А.Н.* Политический террор второй половины XIX начала XX века как фактор трансформации системы государственной охраны в Российской империи // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 1.
5. *Декарт Р.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1989.
6. *Егорышев С.В.* Коррупция: институциональные признаки, социальные детерминанты и последствия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.
7. *Егорышев С.В.* Миграционная преступность в Республике Башкортостан: особенности и тенденции // *Siberian Socium*. 2021. Т. 5. № 3.
8. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм, сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5.
9. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2018 года // URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
10. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2020 года // URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
11. *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990.
12. *Нарбут Н.П.* Технологии антитеррористической деятельности: международное и региональное измерение // Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2015.
13. *Олейник В.С.* Организация мониторинга политических, социально-экономических и иных процессов, оказывающих влияние на ситуацию в области противодействия терроризму, на территории Республики Башкортостан // Предупреждение и профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде: новые вызовы и угрозы / Отв. ред. М.Х. Марданов, сост. С.Ю. Романов. Уфа, 2021.
14. *Поддубный А.А., Снежко А.П.* Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации как субъекты общегосударственной системы противодействия терроризму // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2017. № 2.
15. *Романов В.В.* О террористической деятельности народнических организаций конца XIX — начала XX века // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2017. № 2.
16. Сводный отчет ГИАЦ МВД России о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью. М., 2015.
17. *Седых Н.С.* Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета // Социальная психология и общество. 2013. № 2.

18. *Сердюков Б.В.* Аномия и солидарность в сфере общественной безопасности: интеграционная специфика социального контроля // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 1.
19. *Сироткин И.Г.* О деятельности Национального антитеррористического комитета за 15 лет // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 1.
20. *Скудин А.С.* Соотношение понятий «экстремизм» и «терроризм» в российском праве // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2016. № 2.
21. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. М., 2017.
22. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. М., 2018.
23. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. М., 2019.
24. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М., 2020.
25. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. М., 2021.
26. *Темпрезова Л.Р.* Подходы к определению понятий «террор» и «терроризм», «радикализм» и «экстремизм» в истории мировой и отечественной социально-политической мысли // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 2.
27. *Троцук И.В.* Современные подходы к концептуализации терроризма: социально-психологические и социально-конструктивистские модели // Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2015.
28. *Уразметов Т.З.* Религиозный мир: глобализация, конфликты, экстремизм. Уфа, 2017.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-126-136

Features of the public perception of the extremism and terrorism threats (on the example of the Republic of Bashkortostan)*

S.V. Egoryshev

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan
Kirova St., 15, Ufa, 450008, Russia
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru)

Abstract. The article is based on the data of the sociological survey conducted in the Republic of Bashkortostan in August-October 2021. The study focused on the public perception of the influence of the ideology of extremism on the situation in the region and of the activities of the authorities to counter terrorism. 1030 respondents representing all 63 municipalities of the region and its social-demographic structure were interviewed with the formalized guide. The relevance of the study is determined by the potential of the destructive impact of the extremism and terrorism threats on the public consciousness — from anxiety and fear to apathy and aggression, which affects the social-political situation, estimates of the authorities and the state development trends. In recent decades, extremism and terrorism as means of influencing the authorities and society have attracted increasingly more participants and supporters, have globalized their goals, modified strategies and adapted to the measures of state-legal and social counteraction. Such quantitative and qualitative changes of extremism and terrorism explain the need for their more active study and a tough, irreconcilable, anticipatory reaction to them from both the state and society, which requires various means, including sociological, to monitor the dynamics of these phenomena, measure their

---

* © S.V. Egoryshev, 2022

The article was submitted on 14.10.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

destructive potential and the efficiency of measures to counter and prevent them at all levels of the social organization, including regional and local. Based on the statistical data for 2018–2020, the article considers the state and trends of the extremism and terrorism threats in the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan, and based on the sociological data of 2021, the author identifies the peculiarities of the public perception of the extremism and terrorism threats in the region. The article also presents estimates of the interethnic and interreligious relations for problems and contradictions in this sphere often become causes and a favorable environment for extremist ideologies and terrorist practices; and the respondents' assessments of their level of security and their attitudes to measures to counter the threats of extremism and terrorism.

Key words: region; public consciousness; regional society; extremism; terrorism; causes of threats; threat counteraction policy; efficiency of countering threats

Funding

The article was prepared as part of a study commissioned by the Inter-News Council of Public Security of the Republic of Bashkortostan.

References

1. Abdrakhmanov D.M., Buranchin A.M., Nugumanov M.M., Sizonenko Z.L. *Profilaktika ekstremizma v polietnichnom i mnogokonfessionalnom regione: tendentsii, riski i psikhologo-pedagogicheskie determinanty* [Prevention of Extremism in the Multi-Ethnic and Multi-Confessional Region: Trends, Risks and Psychological-Pedagogical Determinants]. Ufa; 2020. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Rostokinsky A.V., Gilinsky Ya.I. *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and Its Causes]. Pod red. Yu.M. Antonyana. Moscow; 2013. (In Russ.).
3. Voyakovskiy D.S., Yunusova A.B. *Interventsiya radikalnykh ideologiy v rossijskoe islamskoe prostranstvo* [Intervention of Radical Ideologies in the Russian Islamic Space]. Ufa; 2011. (In Russ.).
4. Grebenkin A.N. Politichesky terror vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka kak faktor transformatsii sistemy gosudarstvennoj okhrany v Rossijskoj imperii [Political terror in the second half of the 19th — early 20th centuries as a factor of the transformation of the state security system in the Russian Empire]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2019; 1. (In Russ.).
5. Descartes R. *Sochineniya v dvuh tomah* [Works in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow; 1989. (In Russ.).
6. Egoryshev S.V. Korruptsiya: institutsionalnye priznaki, sotsialnye determinanty i posledstviya [Corruption: institutional features, social determinants and consequences]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2). (In Russ.).
7. Egoryshev S.V. Migratsionnaya prestupnost v Respublike Bashkortostan: osobennosti i tendentsii [Migration crime in the Republic of Bashkortostan: Features and trends]. *Siberian Socium*. 2021; 5 (3). (In Russ.).
8. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhny ekstremizm: sushchnost i osobennosti proyavleniya [Youth extremism: essence and features of manifestation]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2008; 5. (In Russ.).
9. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar-dekabr 2018 goda [Results of the activities of the Ministry of Internal Affairs in the RB for January-December 2018]. URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-deyatelnosti>. (In Russ.).
10. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar-dekabr 2020 goda [Results of the activities of the Ministry of Internal Affairs in the RB for January-December 2020]. URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-deyatelnosti>. (In Russ.).
11. Camus A. *Buntuyushchy chelovek* [A Rebellious Man]. Moscow; 1990. (In Russ.).
12. Narbut N.P. Tekhnologii antiterroristicheskoy deyatelnosti: mezhdunarodnoe i regionalnoe izmerenie [Technologies of anti-terrorist activity: International and regional dimension]. *Aktualnyye problemy antiekstremistskogo i antiterroristicheskogo vospitaniya molodezhi: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow; 2015. (In Russ.).

13. Olejnik V.S. Organizatsiya monitoringa politicheskikh, sotsialno-ekonomicheskikh i inyh protsessov, okazyvayushchih vliyaniye na situatsiyu v oblasti protivodejstviya terrorizmu, na territorii Respubliki Bashkortostan [Organization of monitoring of political, social-economic and other processes that affect the situation in the field of countering terrorism in the Republic of Bashkortostan]. *Preduprezhdenie i profilaktika terrorizma i ekstremizma v molodezhnoj srede: novye vyzovy i ugrozy*. Otv. red. M.Kh. Mardanov, sost. S.Yu. Romanov. Ufa; 2021. (In Russ.).
14. Poddubny A.A., Snezhko A.P. Organy ispolnitelnoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federatsii kak sub'ekty obshchegosudarstvennoj sistemy protivodejstviya terrorizmu [Executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation as subjects of the national system of countering terrorism]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2017; 2. (In Russ.).
15. Romanov V.V. O terroristicheskoy deyatel'nosti narodnicheskikh organizatsij kontsa XIX — nachala XX veka [On the terrorist activities of the *narodnik* organizations in the late 19th — early 20th century]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2017; 2. (In Russ.).
16. Svodnyy otchet GIATs MVD Rossii o prestupleniyah terroristicheskogo kharaktera, ekstremistskoj napravlenosti i svyazannyh s terroristicheskoy deyatel'nostiyu [Consolidated report of the SIAC of the Russian Ministry of Internal Affairs on crimes of a terrorist nature, extremist orientation and related to terrorist activities]. Moscow; 2015. (In Russ.).
17. Sedykh N.S. Sotsialno-psihologicheskie osobennosti propagandy ekstremizma i terrorizma posredstvom interneta [Social-psychological features of the propaganda of extremism and terrorism in the Internet]. *Sotsialnaya Psihologiya i Obshchestvo*. 2013; 2. (In Russ.).
18. Serdyukov B.V. Anomiya i solidarnost' v sfere obshchestvennoj bezopasnosti: integralnaya spetsifika sotsialnogo kontrolya [Anomie and solidarity in the sphere of public security: Integral specifics of social control]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2018; 17 (1). (In Russ.).
19. Sirotkin I.G. O deyatel'nosti Natsionalnogo antiterroristicheskogo komiteta za 15 let [On the activities of the National Anti-Terrorism Committee for 15 years]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2021; 1. (In Russ.).
20. Skudin A.S. Sootnosheniye ponyatij "ekstremizm" i "terrorizm" v rossijskom prave [Correlation of the concepts 'extremism' and 'terrorism' in the Russian law]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2016; 2. (In Russ.).
21. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2016 goda [The state of crime in Russia in January-December 2016]. Moscow; 2017. (In Russ.).
22. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2017 goda [The state of crime in Russia in January-December 2017]. Moscow; 2018. (In Russ.).
23. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2018 goda [The state of crime in Russia in January-December 2018]. Moscow; 2019. (In Russ.).
24. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2019 goda [The state of crime in Russia in January-December 2019]. Moscow; 2020. (In Russ.).
25. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2020 goda [The state of crime in Russia in January-December 2020]. Moscow; 2021. (In Russ.).
26. Temprezova L.R. Podkhody k opredeleniyu ponyatij "terror" i "terrorizm", "radikalizm" i "ekstremizm" v istorii mirovoj i otechestvennoj sotsialno-politicheskoy mysli [Approaches to the definition of the concepts "terror" and "terrorism", "radicalism" and "extremism" in the history of the world and Russian social-political thought]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2019; 2. (In Russ.).
27. Trotsuk I.V. Sovremennyye podkhody k kontseptualizatsii terrorizma: sotsialno-psihologicheskie i sotsialno-konstruktivistskie modeli [Contemporary approaches to the conceptualization of terrorism: Social-psychological and social-constructivist models]. *Aktualnye problemy antiekstremistskogo i antiterroristicheskogo vospitaniya molodezhi: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow; 2015. (In Russ.).
28. Urazmetov T.Z. *Religioznyy mir: globalizatsiya, konflikty, ekstremizm* [Religious World: Globalization, Conflicts, Extremism]. Ufa; 2017. (In Russ.).